

АННА ТИЩЕНКО

Светлый Мыс

СТАТУС:
НЕОБСЛУЖИВАЕМАЯ ЗОНА

MANUAL
OVERRIDE

НЕОБСЛУЖИВАЕМАЯ ЗОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Тищенко

Необслуживаемая зона

<https://litres.ru/73981671>

SelfPub; 2026

Аннотация

На Севере ошибка редко даёт второй шанс.

Инженер Артём Корнеев создаёт «Метель» — автономный рой беспилотников, способный доставлять тепло, лекарства, кислород и связь туда, куда не пройдёт человек. Для Артёма это не просто технология: после гибели отца он верит, что мужество больше не должно заменять расчёт.

Но в день испытаний демонстрационный полёт превращается в настоящую спасательную операцию. Посёлок Светлый Мыс теряет питание. В больнице остывают палаты, заканчивается кислород, а на линии — дети, врачи и женщина, чей голос для Артёма важнее любых протоколов.

Алгоритм оценивает риск и принимает безупречно логичное решение: сохранить рой, отложив помощь людям. Светлый Мыс становится необслуживаемой зоной.

Теперь Артёму предстоит сделать выбор, который нельзя переложить на машину.

«Необслуживаемая зона» — напряжённый технотриллер о холоде, автономных технологиях и цене человеческой ответственности.

Анна Тищенко

Необслуживаемая зона

Необслуживаемая зона

Артём Корнеев не любил слово «подвиг». Слишком часто это слово произносили там, где не хватило расчёта, запаса прочности, второй линии связи, нормального регламента или просто человеческой честности. В нём, если повторять его торжественно и долго, постепенно исчезал живой человек. Оставался бронзовый профиль, табличка, веночек у подножия, строгий голос на митинге, ледяной блеск орденовской колодки. Оставалось всё, кроме главного: холодных рук, последней мысли, невыспавшихся глаз, усталого сердца, которое ещё несколько секунд билось где-то между снегом, металлом и небом.

Его отца называли героем. Вертолётчик Виктор Корнеев погиб в марте, когда Север ещё и не думал отпускать зиму. Он вёз врача, плазму и ящик медикаментов в посёлок за перевалом. Погода закрывалась быстро: сначала лёгкая ледяная крупа пошла по стеклу, потом отказал гироскоп, потом исчез радиомаяк, будто кто-то просто выдернул посёлок из мира. Последнее, что успели принять диспетчеры, было короткое:

— Дотянем.

Потом это слово долго жило в Артёме. Не как обещание

— как приговор.

На похоронах взрослые мужчины говорили ему: «Гордись. Твой отец был настоящим». Они говорили правильно, по-мужски, сдержанно; кто-то хлопал его по плечу, кто-то отворачивался к окну, чтобы не показать глаз. Мать стояла рядом, маленькая, тихая, будто снег уже начал заносить её изнутри. Артёму было одиннадцать. Он понимал не всё, но понял главное: когда плохо построенная система требует от человека мужества, она потом называет его смерть подвигом и снимает с себя вину.

Он гордился отцом.

И ненавидел слово «подвиг». Не потому, что был трусом. Наоборот: с возрастом он стал человеком из тех, кто входит в холодную воду первым, а потом раздражённо спрашивает у остальных, чего они медлят. Но именно поэтому он не выносил пустой героики. Мужество, считал Артём, не должно быть заменой инженерии. Мужчина не обязан погибать там, где можно было заранее поставить резервный канал, второй источник питания, датчик обледенения, нормальный протокол отказа и честную подпись ответственного.

Спустя двадцать пять лет после гибели отца Артём Корнеев стоял в главном зале испытательного центра «Север-7» и смотрел, как на огромном экране медленно просыпалась его система.

Она называлась «Метель». Не один беспилотник. Не красивая выставочная игрушка с глянцевыми винтами. Не ре-

кламная птица для ролика о технологиях будущего.

«Метель» была сетью. Сорок два летательных аппарата: тяжёлые грузовые конвертопланы с обогреваемыми кромками, малые разведчики погоды, ремонтные дроны, ретрансляционные «свечи», способные зависать на пределе батареи и держать канал, пока вся остальная система проходит опасный участок. Семь наземных зарядно-связных мачт, четыре контейнера-улья с запасными аккумуляторами и микро-ремонтными модулями, две мобильные станции печати композитных деталей. Распределённый алгоритм маршрутизации мог обходиться без спутниковой связи, сверяясь по рельефу, тепловым пятнам инфраструктуры, магнитным аномалиям и взаимным задержкам радиосигнала.

Рой должен был делать то, чего десятилетиями не умели делать люди без риска для жизни: доставлять тепло, лекарства, аккумуляторы, детали, кровь, связь — туда, где карта кончается белым полем, а погода не спрашивает разрешения на посадку.

Артём говорил о проекте коротко:

— Машина не должна быть смелой. Машина должна быть рассчитанной.

Руководитель программы Виктор Нагорный эту фразу не любил. Нагорный вообще не любил ничего, что нельзя было без правки вставить в презентацию. Он был сед, сух, подтянут, с лицом человека, который даже бессонную ночь способен превратить в управленческое преимущество. Говорил

он размеренно и гладко, будто каждую реплику уже видел напечатанной в пресс-релизе. Даже раздражение у него было не человеческим, а административным: аккуратным, дозированным, с ссылкой на «репутационную рамку».

— Артём Викторович, — говорил он, — вы должны понимать масштаб момента. Мы демонстрируем не просто техническое изделие. Мы демонстрируем зрелость отечественной промышленной экосистемы.

— Сегодня мы демонстрируем, работает оно или нет, — отвечал Артём.

После таких фраз Нагорный улыбался. Не тепло, не зло — так, как улыбаются человеку, который мешает общему движению, но пока слишком полезен, чтобы отодвинуть его локтем.

В команде Артёма говорили иначе.

Сергей Левин, молодой программист с вечной бессонной складкой между бровей, говорил быстро, нервно, с московской иронией человека, который слишком хорошо знает цену чужой уверенности.

— Если рой ошибётся, он ошибётся не как человек, — любил говорить Сергей. — Человек сначала сомневается, потом косячит. А машина сразу косячит с уверенностью промышленного стандарта.

Старший механик Пахомов был широкоплеч, краснолиц и основателен, как старый дизель, который все давно списали бы, если бы он не заводился в любой мороз. За седины, воз-

раст и способность ругаться с техникой так, будто она была его непутёвым родственником, его называли Дедом. Он делал вид, что сердится, но на самом деле прозвище ему нравилось.

— Дед, у нас тут распределённая нейросетевая модель, — однажды сказал ему Сергей. — Вы с ней поаккуратнее.

Пахомов посмотрел на него с жалостью.

— Сынок, любая твоя нейросетевая модель начинается с нормальной гайки. Если гайку слизало, хоть ты её молебном освяти, хоть песню ей спой, хоть матом обучи — всё равно сопли.

— Вы невозможны.

— Я ремонтпригоден. Это лучше.

Связистка Алина Баженова была из тех людей, которых сначала не замечают, а потом без них не могут работать. Невысокая, тонкая, с тёмными внимательными глазами и низким голосом, она слушала эфир так, как другие слушают море или сердце больного. Для неё радиоканал не был абстрактной линией на графике. Он шёл, задыхался, рвался, упрямылся, хрипел, оживал. Она могла сказать: «М-5 капризничает», «у второго борта голос сел», «канал не умер, он обиделся». Сергей смеялся, Пахомов ворчал, а Артём не поправлял: Алина часто чувствовала беду раньше приборов.

— Канал дышит, — говорила она, склонив голову к наушнику. — Пока не рвётся, но уже задыхается.

После таких фраз даже Пахомов замолкал.

Полковник в отставке Савельев, наблюдатель от заказчика, говорил мало. Лицо у него было старое, лётное: кожа, обожжённая морозом и солнцем, глаза человека, который слишком хорошо знает цену фразе «погодные условия не позволяют». Он не любил демонстраций, не доверял красивым схемам и на совещаниях чаще молчал, чем спрашивал. Но если спрашивал, то обычно попадал в самый больной узел.

В день испытаний он подошёл к Артёму ещё до запуска. Зал только начинал наполняться людьми: комиссия снимала с планшетов защитные плёнки, инженеры разворачивали рабочие станции, на большом экране карта северного полигона медленно прорисовывалась зелёными линиями маршрутов.

— Бойтесь? — спросил Савельев.

— Да.

— Правильно. Умная техника любит, когда её боятся. Когда её любят — начинают прощать.

Артём не улыбнулся. Только кивнул.

Главный зал «Север-7» был похож одновременно на диспетчерскую, операционную и небольшой театр, в котором вместо сцены — небо. Вдоль дальней стены тянулось панорамное стекло. За ним лежал полигон: бетонные площадки, мачты, ангары с синими воротами, дальняя линия трубопровода и белая пустота тундры, уходящая к низкому, тяжёлому небу. Снег не падал сверху — он шёл боком, стелился по плитам, поднимался вихрями у ограждений, скользил по

земле, как живой дым. Ветер всё время трогал здание: то мягко, то грубо, то с таким ударом, будто снаружи кто-то проверял стены на прочность.

Внутри было тепло, ярко и напряжённо. Ряды рабочих мест спускались амфитеатром к центральному пульту. На мониторах горели схемы питания, карты ветров, статусы аппаратов, зелёные и жёлтые линии маршрутов, тепловые пятна промышленных объектов. На полу светились узкие полосы аварийной разметки. Воздух пах кофе, пластиком новых панелей, озоном от стойки связи и той особой электрической пылью, которая бывает в местах, где слишком много техники и слишком мало сна.

На центральном экране «Метель» просыпалась не сразу, а по слоям.

Сначала загорелись контуры маршрутов: тонкие зелёные нити, протянутые через белое пространство полигона. Потом на них появились точки аппаратов — неподвижные, ещё спящие. Затем внизу, под картой, пошли строки самодиагностики. Не сухим списком, не мёртвым протоколом, а почти пульсом: батарейные секции выходили на температуру, винтовые группы отвечали короткими зелёными вспышками, обогрев кромок набирал мощность, оптика очищала линзы, радиомодули проверяли соседей, маршрутные буферы заполнялись резервными решениями.

У каждого аппарата на экране был свой маленький прямоугольник состояния. Они загорались один за другим, словно

в тёмном доме открывали окна.

Борт 01: питание стабильно.

Борт 03: винтовая группа в норме.

Ремонтный Р-2: манипулятор прогрет.

Свеча С-5: ретрансляционный режим готов.

Мачта М-1: канал чистый.

Мачта М-2: канал чистый.

Мачта М-3: канал чистый.

Алина, не отрываясь от эфира, шепнула:

— Хорошо поют.

Сергей покосился на неё.

— Кто?

— Все. Пока хором.

— Вы пугаете меня, Баженова.

— Это потому что ты слышишь только цифры.

Пахомов, проходя за их спинами с планшетом диагностики, фыркнул:

— А я вот слышу, как третий левый винт просит смазки.

Сергей поднял глаза.

— Дед, он не просит. У него вибрация в допуске.

— В допуске — это когда начальство не слышит. А я слышу.

— Вы с железом разговариваете?

— А ты со своим кодом не разговариваешь?

Сергей хотел возразить, но передумал. На первый взгляд всё было чисто. И всё-таки Артём видел на этой зелёной карте маленькое пятно будущей беды. В резервных аппаратах оставались три старых инерциальных блока. Их должны были заменить на новые отечественные ещё месяц назад, но поставка задержалась, а демонстрацию переносить не стали. «Некритичный риск», сказали на совещании. «Компенсируется внешней коррекцией», сказал подрядчик. «Не будем срывать государственные испытания из-за трёх коробочек», сказал Нагорный.

Артём тогда подписал допуск, но добавил примечание: «Риск коррелированного дрейфа при потере внешней коррекции не исключён». Нагорный прочитал, поднял глаза и сказал:

— Вы всегда оставляете себе окоп.

— Нет, — ответил Артём. — След.

За сутки до испытаний он говорил с женой по видеосвязи.

Марина работала врачом в Светлом Мысе — посёлке между старой дизельной станцией, больницей на двадцать коек и промёрзшим заливом. Связь шла с задержкой. Изображение то рассыпалось на серые квадраты, то возвращалось: усталое лицо, тёмные волосы, халат поверх свитера,

кружка с облезшей надписью «Лучший врач года». Артём всегда хотел спросить, откуда у неё эта кружка, и всегда забывал.

— Ты опять не приедешь, — сказала она.

Он сидел в цехе. За его спиной стояли белые корпуса аппаратов «Метели»: длинные, закрытые защитными кожухами, с неподвижными винтами, похожие на спящих птиц.

— После испытаний.

— После испытаний будет отчёт. Потом комиссия. Потом доработка. Потом у тебя появится новая причина быть незаменимым.

— Марин.

— Не «Марин». Я не диспетчерская заявка, Артём.

Он молчал. Он вообще слишком часто молчал. Раньше Марина думала, что в этом есть сила. Потом поняла: иногда мужское молчание — не сила, а способ не подпускать к себе никого даже тогда, когда сам уже не справляешься.

— Ты домой приходишь как на профилактический осмотр, — сказала она. — Проверил: жена функционирует, ужин остыл, ребёнка нет, потому что некогда, посуда в раковине, всё штатно. И обратно на завод.

— Это нечестно.

Он поднял глаза.

Она устала. Не красиво устала, как в кино, а по-настоящему: с красными веками, с раздражением, с тем выражением лица, когда человек сейчас скажет лишнее и уже заранее

знает, что пожалеет.

— Я иногда думаю, — сказала Марина, — ты строишь эту свою «Метель» не для людей. Ты строишь её, чтобы что-то доказать отцу.

Артём застыл. В цехе за его спиной тихо повернулся на стенде винт тяжёлого борта — медленно, беззвучно, как крыло огромной птицы во сне.

— Он не должен был умирать, — сказал Артём.

Марина смягчилась. У неё часто так бывало: сначала ударит словом, потом сама же положит ладонь на ушибленное место.

— Конечно, не должен. Но ты тоже не должен всю жизнь лететь вместо него.

Он хотел ответить, но связь дёрнулась, лицо Марины распалось на квадраты, и разговор закончился не точкой, а обрывом.

Теперь, в зале управления, Артём слышал эту фразу под гулом вентиляции: «Ты тоже не должен всю жизнь лететь вместо него». За панорамными окнами Север стоял во всей своей тяжёлой, безлюдной силе. Низкое небо не висело — давило. Снег полз над бетонными плитами, как дым, и ветер, казалось, не дул, а точил мир, снимая с него всё лишнее: тепло, звук, цвет, самоуверенность.

Нагорный вышел к комиссии. Он говорил без микрофона, но так, будто микрофон был встроен в самую его осанку.

— Коллеги, сегодня автономная логистика перестает быть

образом будущего и становится промышленной реальностью. Мы покажем систему, способную обеспечить северные промышленные районы связью, снабжением и аварийной доставкой даже там, где человек вынужден отступить перед погодой.

Пахомов, не поворачиваясь, буркнул Сергею:

— Когда человек говорит «промышленная реальность», реальность обычно берёт монтировку.

Сергей фыркнул.

— Дед, вы токсичный.

— Я практичный. Токсичный — это когда без пользы.

Алина вдруг улыбнулась, не отрываясь от наушника.

— Тише вы. Они слышат.

— Кто? Комиссия?

— Нет. Мачты.

Сергей покачал головой.

— У нас связистка шаманит над радиоканалом, механик угрожает винтам, главный инженер ненавидит подвиг. Отличная зрелость промышленной экосистемы.

Пахомов довольно кивнул.

— Зато скучно не будет.

Артём смотрел на главный экран. На лице у него не было ни торжества, ни тревоги, хотя тревога уже стояла в нём, как давление перед бурей. Он дождался, пока последняя строка самодиагностики станет зелёной.

— Запуск.

Сначала поднялись малые разведчики.

Они оторвались от площадок резко, почти бесшумно, тонкими тёмными росчерками в белом воздухе. Ветер сразу попытался сбить их с высоты, но аппараты ушли вперёд и вверх, проверяя плотность воздуха, ледяную крупу, вертикальные потоки. На экране их маршруты вспыхнули синими линиями; в реальности они почти исчезли в снегу, только иногда выдавая себя коротким блеском обогретой кромки.

Потом проснулись тяжёлые конвертопланы.

Они не взлетали — принимали на себя вес неба. Винты раскрутили снег в белые чаши, корпуса дрогнули, опоры чуть просели, и машины медленно оторвались от бетонных плит. Воздух загудел низко, грудно, словно где-то под полигоном заработала огромная скрытая турбина. Снег взвился вокруг аппаратов, но не хаотично: каждый борт вырезал в белом вихре свою воронку, свой коридор, свою временную геометрию.

На экране рой выглядел не как набор машин, а как мысль, нарисованная точками и линиями. Аппараты расходились, сходились, меняли высоту, передавали друг другу поправки. Один шёл ниже, вдоль теплового следа трубопровода. Другой поднимался выше, чтобы стать временным узлом связи. Третий уходил в сторону, проверяя карман обледенения. Малые разведчики метались впереди, как нервные импульсы большой системы; тяжёлые борта двигались медленнее, но в их медлительности была уверенность хорошо рассчитанной

массы.

Алина слушала эфир и почти улыбалась.

— Первый чистый. Второй чистый. Третий ворчит, но держится.

Сергей посмотрел на неё.

— «Ворчит» — это какой параметр?

— Тот, который ты увидишь через две минуты в логах.

Пахомов хмыкнул.

— Учись, студент. Девка канал ухом видит.

— Я кандидат технических наук.

— Тем более учись. Звание есть, слуха нет.

На короткое мгновение Артём позволил себе почувствовать радость.

Не гордость — гордость была слишком громкой, слишком похожей на речь Нагорного. Это было другое чувство: редкое, почти тихое инженерное счастье, когда годы расчётов, ночей, ссор, сорванных сроков, разбитых пальцев, брака, который трещит где-то в углах, и тысяч маленьких решений вдруг собираются в вещь, которая не просит веры.

Она просто работает. Девять минут спустя Алина выпрямилась. Не резко. Наоборот — слишком медленно, будто сначала услышала что-то не ушами, а позвоночником. Улыбка ушла с её лица. Она прижала ладонь к наушнику, второй рукой потянулась к клавиатуре, но пальцы на секунду зависли над клавишами.

— Светлый Мыс вышел по аварийному каналу, — сказала

она.

Нагорный повернулся к ней.

— По сценарию?

Алина не ответила сразу. Слушала эфир, глядя не на экран, а куда-то внутрь звука. Потом её пальцы над клавиатурой чуть заметно дрогнули.

— Нет. Реальный вызов.

Зал управления сразу стал меньше. Шум вентиляции, гул серверных стоек, приглушённые голоса комиссии — всё будто отступило к стенам. На главном экране рой продолжал свой красивый, почти безупречный полёт, но теперь эта красота показалась Артёму не торжественной, а хрупкой.

— Повторите, — сказал он.

Алина кивнула, хотя никто не видел, кому именно.

— Светлый Мыс потерял питание. Дизельная станция в аварии. Резерв не поднялся. Больница просит тепловой модуль, аккумуляторы, кислородные батареи и ретранслятор. Связь нестабильна, но пока держится.

Светлый Мыс. Марина.

Имя поднялось в Артёме первым — раньше расчётов, раньше карты, раньше всех протоколов. Он хотел спросить: «Она там?» Хотел так сильно, что даже почувствовал, как слова уже готовы сорваться. Но сказал другое:

— Что с больницей?

Голос получился ровным, почти чужим. Таким голосом он обычно спрашивал о давлении в магистрали или просадке

батарей. Алина слушала. В этот миг она уже не была ни «свя-
зисткой», ни «оператором канала». Она была единственным
человеком в зале, который слышал Светлый Мыс живым:
сквозь треск, помехи, чужие выкрики, далёкий кашель, ме-
таллический скрип двери, которую, возможно, уже заносило
снегом.

— В больнице три тяжёлых после ДТП на вахтовой трас-
се, — сказала она. — Двое детей с пневмонией. Новорож-
дённый на кислороде. Температура в палатах падает.

Сергей машинально взял кружку, поднёс ко рту, сделал
глоток — и только потом понял, что кофе давно кончил-
ся. Поставил кружку обратно. Через несколько секунд снова
взял её, не замечая.

— Сколько у них времени? — спросил Артём.

Алина повернула к нему бледное лицо.

— Марина говорит: сорок минут нормального тепла. По-
том начнут переносить детей в коридор.

Вот теперь в зале стало по-настоящему тихо.

Нагорный нарушил тишину первым.

Он говорил не громко, но его голос сразу занял простран-
ство зала, как занимает его человек, привыкший, что любое
совещание в конце концов возвращается к нему.

— Испытательный контур не предназначен для аварийной
эксплуатации, — сказал он.

Пахомов медленно повернулся. Очень медленно: сначала
плечи, потом тяжёлая голова, потом взгляд. У Деда была

удивительная способность смотреть на начальство так, будто перед ним лежит не человек, а деталь с заводским браком, которую ещё можно спасти, но радости это не обещает.

— А для чего он предназначен, Виктор Павлович? — спросил он. — Для красивых картинок? Чтобы рой летал по расписанию, комиссия кивала, а в отчёте все были молодцы?

Нагорный даже не поморщился. Он умел держать лицо, когда другие уже держались за край стола.

— Для сертификации, Пахомов. Без неё опытная партия так и останется дорогой демонстрацией. Серии не будет, промышленного внедрения не будет, и все разговоры о спасении северных посёлков останутся разговорами.

Правда в этих словах была. Неприятная, тяжёлая, с канцелярским привкусом, но всё-таки правда. От неё нельзя было просто отмахнуться, как от трусости или карьерной заботы. Нагорный не хотел смерти людей в Светлом Мысе. Он боялся другого: что одно аварийное вмешательство похоронит программу, завод, будущие контракты, годы работы, а вместе с ними — сотни возможных спасений, которые ещё не случились. Именно поэтому его слова прозвучали так опасно.

Хорошая ложь редко бывает убедительной. По-настоящему страшны доводы, в которых есть доля правды.

Артём уже работал с терминалом. На главном экране карта полигона отозвалась на его команды: зелёные линии демонстрационного сценария потускнели, поверх них легли

новые маршруты — тонкие, тревожные, с жёлтыми участками риска и красными зонами ветрового сдвига. Светлый Мыс находился в двухстах сорока километрах от испытательного центра. На карте это выглядело терпимо: линия, несколько узлов, зона низкой облачности, коридор вдоль старого трубопровода. Но Артём знал, как обманывает карта. Двести сорок километров на экране и двести сорок километров в северной пурге — разные величины, как цифра температуры и человеческая кожа на морозе.

Погода уже вышла за расчётный коридор. Северо-восточный ветер давил на маршрут сбоку, у земли шла ледяная крупа, выше фиксировался сдвиг потоков: аппарат мог пройти чистый участок, подняться на сто метров — и попасть в другой воздух, злой и тяжёлый, будто у неба там был второй слой. Мачта М-4 держала связь с просадкой по питанию, М-5 давала растущий шум на канале. Рой мог дотянуться до Светлого Мыса, но для этого нужно было выдернуть часть аппаратов из демонстрационной схемы, перераспределить груз, открыть аварийный маршрут и фактически превратить испытание в настоящую спасательную операцию.

Система считала меньше шести секунд.

Эти шесть секунд в зале растянулись. Кто-то из комиссии кашлянул и тут же замолчал. Сергей стоял над клавиатурой, не касаясь клавиш, будто боялся спугнуть расчёт. Алина слушала эфир; её губы двигались почти беззвучно, словно она повторяла за каналом его ломающееся дыхание.

Пахомов смотрел на карту исподлобья, и его лицо, обычно насмешливое, стало тяжёлым. Потом на экране появилась строка:

Маршрут “Светлый Мыс”: вероятность успешного завершения — 43%. Риск потери связности роя — высокий. Рекомендация: отложить обслуживание зоны до восстановления наземной инфраструктуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.